

венгерскую Хорватию, а также Боснию и Герцеговину, служил бы противником как венграм, всё сильнее демонстрировавшим стремление к самостоятельности, что расшатывало систему дуализма, так и великосербской пропаганде¹⁴. По иронии судьбы именно тот министр иностранных дел, который гораздо больше, чем его предшественники, был настроен на серьёзное сотрудничество с Россией, пытаясь реализовать свои планы, вызвал знаменитый Боснийский кризис 1908–1909 гг., ставший, как справедливо отмечал в своё время К.Б. Виноградов, настоящим прологом Первой мировой войны.

Однако многое решилось ещё до него. В том же 1906 г., которым завершается исследование И.С. Рыбачёнок, неудача на Альхесирасской конференции заставила Германию пересмотреть своё положение в Европе и отношения с союзниками. Осенью 1906 г., выступая в рейхстаге, Бюлов впервые произнёс слово «окружение», подразумевавшее, что империя со всех сторон обложена врагами, «как зверь в лесу». Это представление, широко воспринятое в обществе и местами принимавшее характер едва ли не фобии, лежало в основе попыток «прорвать» враждебное «окружение» в ходе предвоенных кризисов, которые в корне изменили ситуацию с союзами. В австро-германском союзе на смену достаточно рыхлой связи рубежа веков вскоре пришла, как выразился тот же Бюлов, «Нибелунгова верность» и готовность во что бы то ни стало поддерживать партнёра. В том же направлении эволюционировал и противоположный блок: каждый пройденный кризис всё туже закручивал спираль конфронтации, в итоге закончившейся мировой катастрофой и «закатом» не одной великой державы, а всей старой Европы.

Дмитрий Павлов: Максимально полная и достоверная картина внешней политики России на рубеже XIX–XX веков

Новая и, безусловно, этапная работа И.С. Рыбачёнок подводит итог её многолетнему изучению системы международных отношений рубежа XIX–XX вв. и места в ней России¹⁵. На этот раз исследовательница сосредоточила своё внимание на периоде с 1899 по 1906 г. (от созванной по инициативе России первой конференции мира в Гааге до Алхесирасской международной конференции, подводившей итоги Танжерского кризиса), который она справедливо именует переломным в истории нашей страны (с. 6). Действительно, вступив в XX столетие первоклассной великой державой, одновременно континентальной и океанической, но неожиданно проиграв войну Японии и пережив потрясение первой революции, уже к 1906 г. Российская империя во многом

¹⁴ Rumpler H. Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. S. 561–562.

¹⁵ Различные аспекты этой обширной и важной темы освещены ею в серии документальных публикаций и исследовательских работ: «Оружие, направленное против России» // Источник. Документы русской истории. 1995. № 1; «Граница между Россией и Японией может быть только одна – океан» // Источник. Документы русской истории. 1995. № 5; Рыбачёнок И.С. Проекты решения проблемы Черноморских проливов в последней четверти XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 4–5; она же. Россия и Австро-Венгрия на Балканах: соперничество и сотрудничество на рубеже XIX–XX вв. // История. Традиции. Культура: Европейский альманах. 2006. М., 2007; Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки / Под ред. И.С. Рыбачёнок. М., 2003; Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. и коммент. И.С. Рыбачёнок. М., 2004; и др.

растеряла свой прежний международный авторитет и очутилась на обочине мировой политики. Её руководству предстояло сделать стратегический выбор – предпочесть роль европейской державы или, вопреки всему, продолжать наращивать своё присутствие на берегах Тихого океана; либо, выражаясь словами кн. А.М. Волконского, «понизить свои мировые запросы в уровень своих сил». И хотя в итоге предпочтение было отдано великодержавию и Европе, всё это в совокупности являлось очевидным симптомом заката российского могущества на мировой арене. Автор монографии раскрывает процесс осмысления правящей элитой империи приоритетов, конкретных целей, задач и методов внешней политики в условиях «широкого спектра вероятных политических комбинаций» при стремлении обеспечить суверенитет страны, её престиж и «отчасти общенациональные интересы» (с. 14, 16). Свою задачу И.С. Рыбачёнок видит в том, чтобы восполнить имеющиеся в историографии многочисленные лакуны, недоработки и неточности, создав максимально полную, достоверную и цельную картину внешней политики России на рубеже XIX–XX вв.

Важным достоинством книги является то, что она написана отнюдь не в архаичном и, казалось бы, неизбежном в данном случае жанре «дипломатической истории». Наряду с анализом внушительного массива официальных документов МИД, а также армейского и флотского генеральных штабов, опубликованных или выявленных в АВП РИ, РГА ВМФ и РГВИА, автор широко привлекает материалы западноевропейской и русской периодической печати (включая политическую карикатуру), частную переписку и другие источники. При этом Рыбачёнок детально показывает роль царя, государственных и военных деятелей, дипломатов разного ранга в выработке и осуществлении тех или иных внешнеполитических акций России. Прослеживается и деятельность их зарубежных партнёров. В исследовании говорится о десятках интереснейших персонажей, не все из которых хорошо известны отечественному читателю.

Структура монографии отражает глобальный характер российских интересов и великодержавных амбиций, которыми руководствовались правящие круги империи. Как справедливо пишет автор, на рубеже XIX–XX вв. «время региональной политики прошло, наступило время политики мировой» (с. 566). В первой главе рассмотрены идейно-теоретические построения российских аналитиков и международных обозревателей, а в остальных разделах анализируются шесть основных «узлов», которые приходилось распутывать России на мировой арене (европейский, балканский, турецкий, африканский, персидский и дальневосточный). Вместе с тем на протяжении всей книги И.С. Рыбачёнок указывает на тесную взаимосвязь и взаимозависимость этих «региональных векторов» русской дипломатии – даже в случае отсутствия у России территориальных или экономических интересов в том или ином регионе (как, например, на Африканском континенте). Комментируя популярное в историографии мнение об ошибочности дальневосточного «крена», или «флюса» политики Петербурга, который, в конечном счёте, привёл Россию к неудачной войне с Японией, Рыбачёнок напоминает, что «уклониться от соперничества за геополитические позиции в регионе Россия не могла, не поступившись статусом мировой державы» (с. 565). Беда же заключалась не в неверном выборе главного направления усилий, а в отсутствии у правительства «ясного и согласованного понимания задач, стоявших перед империей в каждом регионе, и методов, позволявших успешно их осуществлять» (с. 566–567).

Рыбачёнок умело погружает читателя в хитросплетения межгосударственных отношений интересующего её времени, виртуозно полемизируя со своими отечественными и иностранными оппонентами. Однако её общая оценка современной западной историографии (не представляющей, кстати, чего-то идейно целостного) всё же, пожалуй, излишне строга и категорична. По мнению автора, работам последнего времени не хватает концептуальной новизны, в них лишь повторяются «старые клише», а действия России, которую «необоснованно» упрекают «в безудержной экспансии по всем азимутам», по-прежнему оцениваются «негативно и необъективно» (с. 8). Между тем ныне зарубежные коллеги всё чаще видят в Российской империи не извечного «дестабилизатора» миропорядка и постоянную угрозу окружавшим её странам, а один из решающих и креативных факторов международных отношений. Говоря же о российских территориальных притязаниях, сама И.С. Рыбачёнок, анализируя взгляды русских государственных и военных деятелей, признаёт, что они, пусть и ссылаясь на необходимость противодействия экспансионизму Германии, Англии или Японии, мечтали о захвате черноморских проливов (исходя из сформулированного ещё кн. А.М. Горчаковым взгляда на Балканский полуостров как на «зону жизненных интересов России»), размышляли о русском военно-колонииальном форпосте на северо-восточном побережье Африки (близ Баб-эль-Мандебского пролива), призывали к проведению наступательной политики на Среднем Востоке ради «прорыва» к Персидскому заливу и даже не исключали оккупацию Россией Персии и Афганистана, планировали аннексию Маньчжурии и, наконец, просчитывали геополитические последствия превращения Кореи в русский протекторат с устройством на полуострове военно-морской базы для своего «стратегического упрочения на берегах Восточного океана» (с. 512).

Эти планы, которые парадоксальным образом уживались с господствовавшим представлением о том, что границы России уже достигли своих «естественных очертаний», так и остались на бумаге в виде, как пишет автор монографии, «туманных вожделений». Стараясь действовать на основе договоров и в рамках норм международного права, Россия в рассматриваемое в книге время открыто не посягала на чей-либо суверенитет и не прибегала к агрессии. Однако сам факт превращения зоны черноморских проливов, Китая и Кореи в «перекрёстное геополитическое поле» (с. 28, 40), за контроль над которым Петербург был готов вступить в схватку с другими великими державами, свидетельствует о вполне определённых и вовсе не «туманных» российских намерениях и аппетитах. Поэтому не следует упрекать современных зарубежных исследователей за выпячивание экспансионизма России, возражение вызывает скорее их стремление затушевывать схожие черты в политике её соперниц – других великих держав. Одним из следствий глобализации межгосударственных отношений, показанной в книге И.С. Рыбачёнок, стали и вооружённые катаклизмы мирового масштаба, потрясшие человечество в прошедшем столетии.

Игорь Лукоянов: Узлы российской дипломатии

Монография доктора исторических наук И.С. Рыбачёнок – автора серии книг, статей и документальных публикаций по истории внешней политики России конца XIX – начала XX в. – как бы венчает её многолетние исследования, обобщая и одновременно дополняя их новыми материалами, важными для понимания международных отношений той эпохи. Нельзя не отметить широкую эрудицию исследовательницы, впервые выявившей и проанализиро-